

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Н. А. Дулина

ОТНОШЕНИЕ МУСТАФЫ РЕШИД-ПАШИ К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА ХРИСТИАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Реформы танзимата так называемого первого периода (1839—1856) усилили внутренние противоречия в Османской империи и привнесли двойственность в систему государственных и общественных институтов. Причина этого явления состояла в том, что деятели танзимата во главе с Мустафой Решид-пашой хотели упрочить внутреннее положение в государстве путем внедрения целого ряда буржуазных институтов, заимствованных на Западе, не разрушая при этом основ феодального строя. Реформы привели к тому, что наряду с новыми институтами продолжали существовать старые, традиционные. Например, нововведения в экономике (свобода торговли, учреждение банков, строительство новых промышленных предприятий капиталистического типа) уживались с традиционным налогообложением, государственной собственностью на землю, а также с презрением к экономической деятельности со стороны правящего класса; провозглашенное равенство всех подданных султана перед законом предполагало, по мысли реформаторов, господство правящей нации; наряду с новым уголовным уложением сохранил значение шариат; светские учебные заведения существовали одновременно с медресе, которые продолжали воспитывать традиционно мыслящих мусульман. Причиной такой осторожной политики деятелей танзимата явилось то, что более последовательные преобразования предполагали бы уничтожение теократического характера государственной власти и феодального строя. К. Маркс так писал об этом: «...возможно ли уравнивать в правах перед кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле — заменить коран новым гражданским кодексом, другими словами означало бы — разрушить структуру турецкого общества и создать на ее развалинах новый порядок вещей»¹. «Для последовательных и более решительных преобразований, — отмечает американский ис-

торик Р. Х. Дэвисон, — «нужно было бы уничтожить все общество»².

Однако даже в существовавших конкретных исторических условиях реформы танзимата могли бы быть более последовательными. Недостаточность проводившихся преобразований обнаруживается особенно очевидно в некоторых областях, в том числе и в сфере «национальной политики».

В 1856 г. основоположник танзимата Мустафа Решид-паша выступил с резкой критикой высочайшего султанского указа 1856 г. (хатт-и-хумайюна), расширявшего права христианского населения Османской империи. Он заявил, что в утверждении равенства между мусульманами и христианами излишне спешат, что осуществление этого принципа требует времени и отсутствия иностранного давления. Он считал также, что упоминание хатта в Парижском договоре являлось политической ошибкой и было несовместимо с независимостью государства; хатт, по словам Мустафы Решид-паши, открыл путь иностранному вмешательству³. То, что хатт сделал вмешательство правом, отмечают почти все исследователи⁴.

Анализ заявления Мустафы Решид-паши, сделанного в 1856 г., Гюльханейского хатта 1839 г. и некоторых других документов показывает, что принцип равенства, провозглашенный в 1839 г., деятелями танзимата понимался ограниченно, а именно как равное право всех подданных на безопасность жизни, чести и имущества, которое гарантировалось законом и обеспечивалось признанием в новых судах свидетельств мусульман наравне со свидетельствами немусульман (что противоречило шариату). Теоретически равенство должно было проявиться и в допуске немусульман в ряды регулярной армии. Покоренное население, которое по закону шариата должно было находиться под защитой победителей-мусульман, получало право носить оружие и служить бок о бок с мусульманами. Во вновь создаваемые местные меджлисы наряду с членами-мусульманами входили и немусульмане (первые преобладали). Но нигде в турецких документах 1839—1856 гг. не упоминалось право немусульман управлять государством наравне с мусульманами и занимать высшие должности в государственном аппарате Османской империи.

Критикуя хатт 1856 г., Мустафа Решид-паша, как отмечалось, горячо возражал против европейского вмешательства во внутренние дела государства.

Заландноевропейские державы, стремившиеся не дать России повода для покровительства православному населению Османской империи, стали оказывать энергичное давление на Порту с намерением ускорить осуществление реформ танзимата уже в 30-е годы XIX в.⁵.

Постепенно, начиная с 1841 г., давление стало усиливаться и

принимать форму бесцеремонного вмешательства во внутренние дела государства. Это вызывало противодействие и протесты не только мусульманского населения, но и султанского правительства. Поэтому политика западноевропейских держав в этом вопросе имела эффект, прямо противоположный задуманному: она препятствовала осуществлению реформ и приводила к ослаблению государства⁶. Многие сановники Порты, считая, что причиной оскорбительной деятельности европейских представителей являются реформы, утвердились в мысли, что реформы вредны вообще.

Усилению европейского давления в 1841—1856 гг. способствовали и внешние и внутренние причины. Среди них: 1) очевидное проявление внутренней слабости султанской Турции в период турецко-египетского конфликта (1831—1841); 2) усиление взаимного соперничества великих держав в Османской империи, в особенности же соперничества западноевропейских держав с Россией; 3) Крымская война, которую Турция вела в союзе с западноевропейскими державами; 4) провозглашение султанского хатта о реформах 1839 г., которые проводились недостаточно, порою не осуществлялись совсем и потому были поводом для вмешательства; 5) рост национально-освободительного движения покоренных народов и обращения христианского населения с жалобами на неисполнение реформ к представителям европейских держав; 6) возможно, что в какой-то мере усилению вмешательства способствовали и обращения Мустафы Решид-паши в 1839 и 1841 гг. к министру иностранных дел Англии Г. Пальмерстону и канцлеру Австрии К. В. Л. Меттерниху с просьбой оказать давление на султана, чтобы ускорить осуществление реформ (об этом будет речь ниже).

Противодействие Порты иностранному давлению проявилось уже в 1841 г. Министр иностранных дел Османской империи Рифаат-паша заявил тогда представителям европейских держав: «Мы охотно принимаем советы извне, но возражаем против всякого вмешательства в наши внутренние дела»⁷. Однако совершенно положил конец попыткам давления Порты не могла, так как нуждалась во внешнеполитической поддержке европейских держав. Поэтому она была вынуждена в значительной степени с этим давлением мириться и удовлетворять хотя бы внешне требования своих европейских союзников, касавшиеся прав христианского населения.

Некоторые посольские донесения Мустафы Решид-паши из Парижа в 1842—1845 гг.⁸ и свидетельства его современников⁹ показывают, что в 40—50-е годы Мустафа Решид-паша пытался бороться с нежелательной европейской инициативой в турецких делах, и иногда безуспешно. Например, из его донесений известно, что Порта поручила ему, когда он был послом во Фран-

ции, добиться смещения французского консула в Багдаде, так как последний вмешивался в дела местного управления. В беседе с министром иностранных дел Ф. Гизо Мустафа Решид-паша просил его послать напоминания всем консулам о недопустимости подобных действий. Будучи великим везиром в 1856 г., он успешно отклонял нежелательную инициативу европейских агентов, касающуюся внутренних турецких дел. Хотя, как упоминалось, положить совершенно конец этому явлению Порты не осмеливалась.

Однако два документа свидетельствуют о том, что в 1839 и 1841 гг. Мустафа Рашид-паша, как упоминалось, просил Пальмерстона и Меттерниха оказать давление на султана. Документы, названные издателями меморандумом и мемуарами, опубликованы в известном исследовании английского историка Бэйли¹⁰ и в статье болгарского историка Н. Милева¹¹. Эти документы: протокол беседы Пальмерстона с Решид-пашой 12 августа 1839 г. и послание Мустафы Решид-паши Меттерниху, переданное им через австрийского посла Штюрмера в марте 1841 г., за две недели до своей отставки. В них шла речь о намерении Мустафы Решид-паши улучшить положение христианского населения. Для этого он был готов к определенным жертвам, считая, что они будут временными, а достигнутый успех — постоянным.

В беседе с Пальмерстоном Мустафа Решид-паша заявил, что цель реформ, которые он собирается осуществить, — утверждение права на жизнь и счастье, т. е. провозглашение таких законов, которые предотвратили бы казни невинных людей и конфискацию их имущества, а также ввели бы гласные суды. Такие законы, сказал он, послужат действенной почвой улучшения положения христианских подданных Османской империи. Но так как при молодом султани Абдул Меджиде I возможно противодействие реформам со стороны сановников, то Мустафа Решид-паша просил, чтобы европейские правительства обратились к Порте с советами принять соответствующие законы, а если советы не помогут, то предлагал угрожать султанскому правительству неповиновением пашей, отпадением Валахии, Молдовы и Сербии, прекращением своей помощи и дружбы. Он считал, что молодой возраст султана позволяет это сделать, так как перечисленные указания будут полезны народу.

В марте 1841 г. в памятной записке Меттерниху Мустафа Решид снова обратился за помощью к европейским державам в деле осуществления реформ. Очевидно, полтора года, прошедшие со дня опубликования Гюльханейского хатта, принесли не много изменений, так как Мустафа Решид-паша написал Меттерниху, что турецкий государственный механизм, все пружины которого неисправны, нуждается в реорганизации. Мустафа

Решид-паша сообщил ему о своих дальнейших планах в деле преобразований, но главная цель его обращения — добиться европейской помощи.

Н. Милев, опубликовавший документ, заметил, что в нем прослеживается признание в собственной слабости — самом большом несчастье новаторов Турции, обусловленном наличием широкой внутренней оппозиции. Решид думал о возможности провала, заметил Милев¹².

Мустафа Решид-паша рассчитывал, что Австрия и Англия, проявившие свою заинтересованность в сохранении целостности Османской империи в период турецко-египетского конфликта, и в дальнейшем будут стремиться поддерживать принцип «равновесия сил» в Европе, условием которого было существование Османской империи как плацдарма против России. «Независимость Турции является необходимым условием проблемы политического равновесия в Европе, — писал Мустафа Решид-паша. — Но если Османская империя не укрепит свою внутреннюю организацию, то это приведет ее к гибели и, в свою очередь, может повлечь за собой всеобщую войну... Балканские народы все более просвещаются, имеют перед собой примеры привилегированных провинций — Валахии, Молдовы и Сербии¹³. Могут ли они подчиняться режиму тирании и терпеть унижения? И что может противопоставить этому Османская империя? Может ли невежественная нация диктовать свои законы нации организованной и просвещенной?»¹⁴. Исходя из этих соображений, Мустафа Решид-паша сделал вывод, что с покоренными народами нужно установить другие связи. Н. Милев отмечал, что Мустафа Решид в этот период относился к проблеме внутреннего положения покоренных народов лояльно. Интерес держав к судьбам райи не вызывал у него никакого беспокойства. Напротив, он считал, что вмешательство европейских держав с целью помощи в проведении преобразований необходимо. В памятной записке Меттерниху Мустафа Решид-паша предлагал осуществить в Османской империи следующие меры: 1) усилить новыми законами статьи Гюльханейского хатта о неприкосновенности жизни, имущества и чести; 2) уничтожить харадж, так как он отвращает от Порты сердца христианских подданных, и ввести равноправие всех наций; 3) установить твердые налоги и удовлетворительные способы их взимания, особенно предупредить все притеснения; 4) определить расходы на армию и администрацию в соответствии с нуждами и географическим положением страны; 5) пригласить иностранцев в качестве финансовых советников; 6) учредить школы, чтобы Порта не нуждалась в услугах иностранцев, а подданные не коснели в невежестве и фанатизме.

Среди перечисленных предложений обращает на себя вни-

мание то, что введение равноправия связано с уничтожением хараджа. Как известно, в 1839 г. Гюльханейский хатт провозгласил равенство всех подданных перед законом, независимо от вероисповедания. Реформаторы, как отмечалось, вкладывали в понятие «равенства» ограниченный смысл, подразумевая при этом сохранение господства мусульман. Предложение Мустафы Решид-паши отменить харадж, который платило только немусульманское население, было еще одним шагом к установлению действительного равенства. Программа, предложенная Мустафой Решид-пашой в 1841 г., была несколько шире, чем программа Гюльханейского хатта (условиями уничтожения хараджа, учреждения школ, приглашения европейских финансовых советников), но в основном она повторяла содержание хатта 1839 г. Мустафа Решид, беспокоясь за судьбу реформ и будущее Османской империи, вновь предполагал обратиться к законодательству как средству их внедрения. Но, понимая, что только законодательства недостаточно, он предложил созвать европейскую конференцию по вопросам проведения реформ в Османской империи, на которой должны были присутствовать и два компетентных турецких делегата. В случае если бы Порта стала возражать против выдвинутых им реформ и созыва конференции, то Мустафа Решид просил, как и в беседе с Пальмерстоном, угрожать ей разделом империи (отпадением Молдовы, Валахии, Сербии). Правда, он написал, что дело, очевидно, не пойдет так далеко и что Порта легко примет его предложения, за исключением отмены хараджа, которая противоречила шариату. Но в данном случае он надеялся на помощь султана, который, услышав о разделе Османской империи, поспешит уступить. Кроме того, Мустафа Решид считал необходимым, чтобы в течение 8—10 лет дипломаты великих держав в Стамбуле считали своей обязанностью наблюдать за всеми внутренними делами Османской империи. Чтобы утвердить свое влияние, они по предложению Мустафы Решид-паши должны были иметь каждый одно или два военных судна в Босфоре.

«Это была уже не помощь, — отметил Н. Милев, — а контроль Европы, которого требовал основатель нового режима, чтобы гарантировать жизнь своему детищу»¹⁵.

Мустафа Решид заметил в памятной записке Меттерниху, что если реформы не будут реализованы, то Османской империи грозят неисчислимые беды и великие державы будут ответственны перед богом за продолжение страданий многочисленного населения Османской империи.

«Увлеченный величием цели, которую он себе поставил, Мустафа Решид слишком полагался на чувство долга великих держав по отношению к Османской империи и на их помощь... он хотел ограничить деспотизм султана только силою»¹⁶.

Содержание обращений Мустафы Решид-паши к Пальмерстону и Меттерниху свидетельствует о том, что ликвидация неравенства между мусульманами и христианами представлялась Мустафе Решид-паше легкодостижимой; он предполагал, что христианские подданные султана огранчатся и удовлетворятся предоставленными им правами при условии сохранения верховной власти в руках господствующей нации. Ему казалось достаточным повторное (после Гюльханейского хатта) провозглашение законов и контроля европейских послов за их применением, усиленного несколькими судами в проливе Босфор.

Зная, какое длительное и сильное сопротивление вызвали впоследствии реформы танзимата среди всех слоев османского общества, можно с уверенностью утверждать, что европейский контроль в той форме, которую предполагал Мустафа Решид, вряд ли был бы возможен. Ничего, кроме возмущения мусульманского населения европейским вмешательством и своим правительством, допустившим его, эта мера не могла вызвать.

О причинах изменения отношения Мустафы Решид-паши к вмешательству европейских держав в течение 1841—1856 гг. говорилось выше. Но была еще одна серьезная причина, заставившая его выступить с резкой критикой хатта 1856 г. и заявить, что в утверждении равенства между христианами и мусульманами излишне спешат. Хатт 1856 г. теоретически предусматривал участие немусульманского населения в управлении государством: принятие на государственную и военную службу всех подданных империи, участие представителей немусульманского населения в работе высшего законодательного органа — Высшего совета юстиции.

Такие широкие по тому времени права не только противоречили теократическому характеру государства, но, очевидно, казались Мустафе Решид-паше угрожающими целостности Османской империи. В конкретной исторической обстановке того времени, когда вспыхивали частые национальные восстания в европейских провинциях, Мустафа Решид считал необходимым ограничивать любые возможности для получения ими автономного управления¹⁷. Если в 1839—1841 гг. он верил, что достижение принципа равенства в Османской империи возможно, то это объяснялось тем, что он не представлял себе в должной мере трех факторов: степени сопротивления реформам всех слоев мусульманского населения; форм, в которые выльется европейское вмешательство, и объема впоследствии обнаружившихся притязаний христианского населения. Равенство, как его понимал Мустафа Решид, не удовлетворило христианское население. Оно требовало не только осуществления прав, обещанных Гюльханейским хаттом 1839 г., но и дополнительных, с которыми Мустафа Решид не хотел соглашаться.

В национальной политике Мустафы Решид-паши соединились две взаимоисключающие тенденции, направленные, по его мнению, к единой цели внутренней консолидации многонационального государства: намерение улучшить положение христианского населения и в то же время ограничить его требования тесными рамками статуса второсортных подданных султана. «Танзиматские реформы, несомненно, содержали в себе прогрессивные тенденции, что нашло выражение в попытках турецкого правительства открыть новые и нормальные пути экономической и культурной жизни подвластных народов Османской империи в соответствии с их начавшимся капиталистическим развитием... Противоречивая сущность политики танзимата состояла в том, что она преследовала задачу путем очень незначительных уступок примирить покоренные народы с игом османских завоевателей»¹⁸. «Решид паша с самого начала понимал декларируемое им равенство весьма ограничено и преследовал главным образом цель приостановить распад Османской империи»¹⁹, — отмечает А. Д. Новичев.

Период идеалистических надежд Мустафы Решид-паши на быстрое достижение «равенства» в тех границах, которые он допускал, и на искреннее желание европейских держав оказать бескорыстную и достойную помощь Порте кончился у него так скоро, что упомянутые здесь документы 1839—1841 гг. не нашли заслуженной оценки в литературе. Напротив, в историографии широко распространено прямо противоположное мнение о том, что Мустафа Решид-паша провозгласил Гюльханейский хатт с целью предотвратить иностранное вмешательство и показать, что Порта может разрешить все внутренние проблемы своими силами²⁰.

Реформы танзимата, инициатором которых был Мустафа Решид-паша, при всей их прогрессивности предполагали, однако, «для христианских подданных Порты... увековечение их угнетения Турцией»²¹.

¹ К. Маркс. Греческое восстание.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10, с. 130.

² R. H. Davison. Turkey. Prentice-Hall, 1968, с. 78.

³ Cevdet paşa. Tezâkir. 1—12. Ankara, 1953, № 10, с. 76—82.

⁴ См., например: C. Bilsel. Tanzimatın haricî siyaseti.— Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 22—23.

⁵ См., например: R. Каунар. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954, с. 157 (донесение Мустафы Решид-паши из Парижа, 8 июля 1839 г.).

⁶ E. Z. Kural. Osmanlı tarihi. Cilt 6. Ankara, 1961, с. 12.

⁷ Ed. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat ou histoire des réformes. P., 1882, с. 49.

⁸ R. Каунар. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, с. 588—590.

⁹ Ed. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat..., с. 136—137; Cevdet paşa. Tezâkir. Ankara, 1960, № 13, с. 7.

¹⁰ F. E. Bailey. *British Policy and the Turkish Reform Movement*. Cambridge, 1942, с. 271—276.

¹¹ N. Milev. *Rechid pacha et la réforme ottomane*.— *Zeitschrift für Ost-europäische Geschichte*. Bd 2. H. 3. В., 1912, с. 382—398.

¹² Там же, с. 389.

¹³ Временная оккупация Дунайских княжеств во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. позволила русской администрации осуществить там целый ряд прогрессивных преобразований [см.: В. Я. Гросул. *Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX века)*. М., 1966]. Именно их и имеет в виду Мустафа Решид-паша, говоря о привилегированности этих провинций. Сербия, как известно, пользовалась внутренним самоуправлением с 1830 г.

¹⁴ Цит. по: N. Milev. *Rechid pacha et la réforme ottomane*, с. 387, 391.

¹⁵ Там же, с. 397.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Боязнь автономного управления в провинциях с немусульманским населением была чрезвычайно сильна и у младотурок (см.: Ю. А. Петросян. *Младотурецкое движение*. М., 1971, с. 260—262).

¹⁸ Л. Н. Миле. Освободительное движение албанского народа против турецкого ига в период танзимата (30—70 гг. XIX в.). М., 1961, с. 16, 22.

¹⁹ А. Д. Новичев. *История Турции*. Т. 3. Новое время. Ч. 2 (1839—1853). Л., 1973, с. 195.

²⁰ См. там же, с. 117; R. H. Davison. *Turkey*, с. 88.

²¹ Ф. Энгельс. *Что будет с Европейской Турцией?* — К. Маркс и Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 9, с. 31.